

Наши родители были странными. Не плохо странно, просто странно. Папа был профессором мифологии и сравнительного религиоведения. Он говорил в терминах метафоры и мистицизма. Мама была биохимиком, закоренелым ученым. Она использовала логику, как дуэлянт рапиру. По какой-то причине они сработались, идеальное сочетание противоположностей. По словам мамы, это было "первобытное влечение, которое быстро переросло в парную связь". Я стараюсь не думать о том, что она имеет в виду под "первобытным", но, думаю, в этом есть смысл. Они встречались всего за несколько месяцев до того, как мама забеременела мной, и решили пожениться почти запоздало, что, вероятно, свело с ума моих бабушку и дедушку. Но я ухожу по касательной. Они поженились, родили меня, а затем, четыре года спустя, мою сестру. С ее рождением все пошло не так хорошо, так что после этого мама не смогла снова забеременеть. Я думаю, именно поэтому мы все так любим Аф.

О, да, значит, папа любит мифологию, а мама просто большой ботаник. По-видимому, я вышел в целом недовольным миром, и что-то было не так с моим правым глазом, из-за чего я несколько дней не мог его открыть. Врачи даже сначала забеспокоились, что у меня анофтальмия, а это значит, что у меня был бы только один функционирующий глаз. Но через короткое время я опроверг эту теорию, открыв оба. Естественно, мой отец настоял на том, чтобы назвать меня Одним. Да, Один. Я знаю. Это смешно, но мы здесь. По крайней мере, они дали мне второе имя Джеймс, так что я часто обращаюсь к нему с друзьями и знакомыми. К моему большому огорчению, моя семья никогда не будет использовать ничего, кроме моего имени. Моя младшая сестра называет меня Од, что означает "странный". Я зову ее Аф.

Рождение Афины сильно отличалось от моего. Было так много осложнений. Я был слишком мал, чтобы по-настоящему понять, но я помню, как очень беспокоился о маме, когда она была беременна. Последние три месяца ей более или менее приходилось оставаться в постели, и очень близко к сроку родов у нее случилась серия мигреней. Процесс родов был долгим и трудным, роды продолжались более двадцати часов. Когда она, наконец, родила, было довольно сильное кровотечение, и как только оно закончилось, произошло кое-что еще. Мама на самом деле не помнит, но когда папа говорит об этом, он становится тихим и серьезным.

Мама ненадолго потеряла сознание, а когда пришла в себя, то не знала, где находится, и жаловалась на сильное головокружение и головную боль. Она была в ужасе и не помнила, что была беременна, а в последний раз только что родила. Напряжение от пережитого испытания привело к мини-инсульту. Однако нам всем повезло, поскольку к ней вернулась память менее чем через сутки и немного сна.

Однако врачи были совершенно ясны. Еще несколько детей представляли бы смертельный риск для здоровья моей матери. Моя мама, зная свою мифологию почти так же хорошо, как папа, решила, что ее имя должно быть Афина, после того, какой "большой головной болью она была".

Наверное, это забавно, если ты большой гребаный ботаник. Кем я и являюсь. Я думаю, что

Афина тоже, по-своему. Дело в том, что у нас странные имена, странная семья, и мы все любим друг друга. По иронии судьбы Афина не унаследовала состояние нашей матери, в то время как я унаследовал.

Однако у нас есть проблемы, как и у любой семьи. Когда у мамы появилась возможность проводить передовые исследования в университете мирового класса с ассоциированной больницей, мы переехали через всю страну. Папа работал на своей работе, кормил нас, водил в школу и, по сути, первые год или два был армией из одного человека. Мама приходила домой в среднем в 8, но иногда даже ночевала на раскладушке в своем кабинете.

Я могу вспомнить только то, что защищал Афину, что, я думаю, вполне естественно. Поскольку мама часто уезжала, а папа был занят заботой о нас и своей собственной работой, я сделал шаг вперед. Это звучит как хвастовство, но это не так. Это было больше похоже на то, что я увидел, что Аф была одинока, и я решил проводить с ней больше времени. Я играл с ней. Я меньше общался со своими друзьями, а вместо этого мы оставались вместе и изобретали новые игры. И, конечно же, она танцевала.

К тому времени Афина уже занималась танцами, и это было в значительной степени базовое обучение для маленьких детей, то есть они говорили ей, что делать и как это делать, но никто не волновался, если на сцене все шло не так хорошо. Хотя Аф действительно пыталась. Возможно, она была немного более скоординирована, чем ее сверстники, но вы могли видеть сосредоточенность и решимость в каждом ее шаге, в каждом маленьком повороте, повороте и изгибе. Я бы не сказал, что она была вундеркиндом, но уже тогда было ясно, насколько это важно для нее.

Когда мама решила взяться за второй проект, который ее заинтересовал, папа настоял на своем. Это потребовало бы, чтобы она работала еще больше часов и большую часть выходных. Они поссорились из-за этого, и, оглядываясь назад, я думаю, папа беспокоился, что у нее был роман. Эта последняя часть оказалась далекой от истины, но он был прав в том, что это означало, что она практически никогда не увидит свою семью.

Мама раскусила его блеф и взялась за второй проект. Оказалось, что папа не блефовал. Они поссорились в последний раз, и мама съехала и сняла квартиру. Она согласилась на визиты на выходные, "когда могла", но мы вообще не видели ее в течение первого месяца. Папе было грустно, но он следил за домом. Я начал делать больше работы по дому, думая, что, может быть, если бы я был лучшим ребенком, мама вернулась бы домой.

Мне, восьмилетнему, все это было страшно, но для Афины это было похоже на конец света. Она прилипла ко мне, как приклеенная, и я не стал ее разубеждать. Когда она была со мной, она была менее хрупкой и, по крайней мере, немного рассеянной. Я помогал ей с домашним заданием и слушал, как она объясняет новые танцы, которые она "нарисовала" на листах плотной бумаги жирным карандашом. Я никогда не хотел, чтобы она думала, что она будет одна, или что мама и папа не любили ее. Думаю, именно тогда между нами что-то щелкнуло, и я не имею в виду ничего странного. Просто мы стали очень созвучны эмоциям и мыслям друг друга. В будущем мы будем проводить время порознь, но мысль о том, чтобы не участвовать в жизни друг друга, была невыносима.

Оглядываясь назад, мы действительно были лучшими друзьями с тех пор.

К счастью для всех, разлука длилась не так уж долго. Наконец, мама забрала нас в пятницу вечером, чтобы провести с нами выходные. Они с папой были вежливы друг с другом. Даже ласковы. Мама устала, но все свое время проводила с нами, и впервые на моей памяти я не видел, чтобы она доставала свой ноутбук или "делала короткую остановку на работе". Когда мы вернулись домой в воскресенье, они долго разговаривали, сидя на качелях на крыльце.

Была холодная осенняя ночь, и, пытаясь быть миротворцем, я приготовил им какао (растворимое, конечно), и мы с Афиной вынесли его им. Мы застали их целующимися, как подростков, и хотя мне это было немного противно, я в то же время был очень счастлив. Мама снова переехала к нам в течение месяца, отказалась от второго проекта и изменила приоритеты в своей жизни, снова став партнером для папы и родителем для нас, гораздо более доступным по вечерам и выходным. Со своей стороны, папа согласился с тем, что несколько дополнительных часов всегда будут частью маминой работы, и иногда мы все вместе ехали к ней в офис и ужинали там вместе, прежде чем оставить ее там заканчивать рабочий день.

Думаю, я хочу сказать, что у нас была своя доля проблем, и мы тоже преодолевали их вместе, и из-за этого стали ближе. Временами мы казались дисфункциональными, но это было не так. На самом деле, чем больше мы делились и поддерживали друг друга, тем более гладко протекала вся наша жизнь.

Мы были очарованы, правда. Это должно было когда-нибудь закончиться.

<http://tl.rulate.ru/book/78499/2367245>

<http://tl.rulate.ru/book/317/2695>